

Приложение к № 170 газеты «Великолукская правда»

Великолукская городская Дума присвоила звание «Почетный гражданин города Великие Луки» епископу Великолуцкому и Невельскому Сергию

В соответствии со ст. 6 Устава муниципального образования «Город Великие Луки», решением Великолульской городской Думы от

22.05.1998 № 13 «Об утверждении Положения о Почетном гражданине города Великие Луки и о Порядке присвоения звания «Почетный гражданин города Великие Луки», депутаты Великолульской городской Думы приняли решение присвоить звание «Почетный гражданин города Великие Луки» епископу Великолуцкому и Невельскому Сергию (Булатникову Владимиру Леонидовичу).

Звание епископу Сергию присвоено за большой личный вклад в культурно-просветительскую деятельность города Великие Луки и ду-

ховно-нравственное воспитание жителей города.

Напомним, что в 2014 году решением Священного Синода он был назначен Преосвященным Великолуцким и Невельским, возглавил вновь воссозданную Великолуцкую епархию Псковской митрополии Русской Православной Церкви. К моменту начала своего служения на Великолуцкой кафедре обладал большим духовным, административным, хозяйственным и жизненным опытом.

На протяжении 10 лет своего служения на Великолуцкой земле уделял и уде-

ляет особое внимание развитию церковно-государственных и церковно-общественных отношений. При поддержке руководства, предпринимательского сообщества и общественности города Великие Луки создал «с нуля» структуру епархиального управления и организовал развитие на новом уровне всех направлений современной церковной деятельности. Благодаря служению владыки Сергия Великие Луки обрели статус главного кафедрального города Великолуцкой епархии, объединяющей 12 районов южной части Псковской области.

Торжества в день памяти преподобной Манефы Гомельской

Ежегодно сотни верующих 11 августа спешат к стенам Петро-Павловского собора, чтобы почтить память подвижницы и молитвенницы Гомельской земли преподобной Манефы Гомельской. В этом году исполнилось 40 лет со дня преставления ко Господу матушки Манефы.

Заботу святой чувствует каждый. Как при жизни матушка Манефа принимала всех приходивших к ней, поддерживала советом и молитвой удрученных и унывающих от трудностей жизни, так и сейчас не оставляет тех, кто обращается к ней в молитвах.

Однако торжества этого года стали поистине особенными. В этом году исполняется двести лет со дня освящения Петро-Павловского кафедрального собора в Гомеле. Этот храм, ныне возвышающийся над городом, олицетворяет собой непрерывную связь времен, духовную стойкость и силу веры, несмотря на все исторические перипетии, которые выпали на долю Гомеля и его жителей.

Идея создания собора

принадлежала графу Николаю Петровичу Румянцеву, известному государственному деятелю, меценату и страстному собирателю русских древностей. Вдохновленный своим глубоким религиозным чувством и стремлением оставить после себя нечто значимое и вечное, граф решил возвести величественный храм. Строительство началось в 1809 году, однако из-за непростой военной обстановки, вызванной войной с французами, возведение собора затянулось и было завершено лишь в 1824 году.

22 мая 1824 года, в день памяти Святителя Николая Чудотворца, главный храм Гомеля был освящен протоиереем Иоанном Иоанновичем Григоровичем, глав-

ным редактором археологической комиссии, членом-корреспондентом Казанского университета, исследователем истории.

На протяжении двух веков Петро-Павловский собор был не просто архитектурным памятником, но и свидетелем всех значимых событий в истории Гомеля. Здесь прохо-

дили венчания, крещения, отпевания, объединяющие жителей города в радостные и трагические моменты их жизни. Вместе с городом собор пережил революцию 1917 года, которая принесла разрушения и гонения на Церковь. Но несмотря на все испытания, храм выстоял.

(Окончание на стр. 2)

Торжества в день памяти преподобной Манефы Гомельской

(Окончание.
Начало на стр. 1)

Вместе с гомельчанами храм встретил и страшный 1941 год. Во время Великой Отечественной войны здание было повреждено, но в период немецкой оккупации его вновь передали верующим, и в храме возобновились богослужения. Тем не менее даже после окончания войны испытания не прекратились: в 1960 году собор был закрыт советскими властями и преобразован в планетарий, что стало отражением общей тенденции того времени к секуляризации и вытеснению религии из общественной жизни.

Возвращение собора Церкви произошло лишь в 1989 году. Первое богослужение после долгих лет забвения состоялось на Рождество Христово 1990 года. Через сорок дней, в праздник Сретения Господня, собор вновь был освящен митрополитом Филаретом (Вахромеевым), и с того времени храм не закрывался больше ни на один день. Верующие с радостью и усердием принялись за восстановление собора, возвращая ему его первоначальный облик и величие.

Особую роль в этом процессе сыграли прихожане, среди которых многие — пожилые женщины, которые, не жалея сил и времени, трудились во имя Господа. Их верность, искренность и самоотверженность вдохновляли и

продолжают вдохновлять новое поколение верующих.

Сегодня Петро-Павловский кафедральный собор — это не только украшение Гомеля, возвышающееся над спокойными водами Сожа, но и живой духовный центр, куда ежедневно приходят люди со своими радостями и горестями. Здесь они находят утешение, благодарят Господа и возносят молитвы за себя и своих близких.

В день памяти преподобной Манефы Гомельской у стен Петро-Павловского собора царил торжественная тишина, священнослужители, прихожане, а также многочисленные паломники с особым волнением ожидали приезда предстоятеля Белорусской Православной Церкви.

Божественную литургию в этот праздничный день возглавили: Высокопреосвященный Вениамин, митрополит Минский и Заслав-

ский, Патриарший Экзарх всея Беларуси, Высокопреосвященный Викентий, митрополит Ташкентский и Узбекистанский, глава Среднеазиатского митрополичьего округа, Высокопреосвященный Тихон, митрополит Орловский и Болховский, Высокопреосвященный Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский, Высокопреосвященный Юстиниан, архиепископ Элистинский и Калмыцкий, Высокопреосвященный Софроний, архиепископ Могилевский и Мстиславский, Высокопреосвященный Иоанн, архиепископ Брестский и Кубринский, Высокопреосвященный Стефан, архиепископ Гомельский и Жлобинский, Высокопреосвященный Антоний, архиепископ Гродненский и Волковысский, Преосвященный Серафим, епископ Бобруйский и Быховский, Преосвященный Леонид, епископ Туровский и Мозырский, Преосвященный Нил, епископ Муромский и Вязниковский, Преосвященный Сергей, епископ Великолукский и Невельский, Преосвященный Сергей, епископ Вяземский и Гагбринский, Преосвященный Мелентий, епископ Рославльский и Десногорский, Преосвященный Игнатий, епископ Полоцкий и Глубокский, Преосвященный Амвросий, епископ Борисовский и

Марьиногорский, Преосвященный Георгий, епископ Пинский и Лунинецкий.

Архипастырям сослужили: председатель Синодального отдела Белорусской Православной Церкви по сотрудничеству со светскими учреждениями образования, председатель приходского совета прихода в честь Всех Святых города Минска, благочинный 4-го Минского городского церковного округа протоиерей Фёдор Повный; ректор Минской духовной академии архимандрит Афанасий (Соколов); ответственный секретарь Управления делами Белорусской Православной Церкви протоиерей Андрей Волков; благочинные епархиальных округов, председатели отделов, настоятели приходов, духовенство Гомельской епархии и гости торжеств в священном сане.

В завершении богослужения со словами благодарности за совместную молитву к архипастырям, пастырям и молящимся обратился архиепископ Гомельский и Жлобинский Стефан.

В своей речи владыка Стефан сердечно поблагодарил митрополита Вениамина, всех архипастырей, священнослужителей, матушек игумений с сестрами и верующих за совместную молитву. Владыка отметил, что это особенный день. За всю историю собора никогда не собиралось здесь такое количество архипастырей, чтобы вместе единым сердцем, едиными устами вознести молитвы к Горнему Престолу с престола земного.

Это праздничный день не только для Гомельской земли, но и для всей Белорусской Православной Церкви.

Благодаря трудам и молитвам угодников Божиих стоит наша земля Белорусская. Благодаря их заботам сохраняется вера Православная, в которой утверждение для нашего народа.

4 сентября — день памяти священномученика Иоанна (Троянского), епископа Великолукского и Торопецкого

Священномученик Иоанн (в миру Иван Ефимович Троянский) родился 10 ноября 1862 года в селе Ново-Клинском Воронежской губернии в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию, 10 сентября 1884 года был рукоположен в сан священника.

После смерти жены о. Иоанн в 1922 году был рукоположен обновленческими епископами во епископа. В ноябре 1924 года он прервал отношения с обновленцами, за что был ими запрещен в священнослужении. В начале 1925 года он принес покаяние и как ставленник епископов старого поставления был принят в суем сане и назначен епископом Акмолинским и Петропавловским, викарием Омской епархии. 9 марта 1932 года епископ Иоанн был назначен на кафедру в Рыбинск. Но власти не простили ему ухода от обновленцев, и вскоре после назначе-

ния он был арестован и приговорен к трём годам ссылки. По возвращении из ссылки в 1935 году он был назначен епископом Великолукским и Торопецким и поселился в городе Торопце Тверской области. Получив с большим трудом от гражданских властей регистрацию и разрешение на богослужение в храмах города, он старался служить как можно чаще, за каждым богослужением обращаясь к молящимся с проповедью.

Недоброжелатели доносили в НКВД, что он в своих проповедях говорит о несомненном бытии Бога, о том, насколько большое значение имеют в нашей жизни святость и святые, а также чудотворные иконы; чудеса, совершаемые по молитвам святых и по обращению верующего к чудотворному образу, — это факты. Но мало этого, он заманивает в церковь гостинцами и печеньем детей. Так например, в Вознесенской церкви он посреди храма раздавал детям конфеты и пряники.

23 июля 1937 года епископ Иоанн был арестован и заключен в Торопецкую тюрьму.

— Следствие располагает документами, что вы у себя на дому исполняете религиозные обряды. Вы подтверждаете данные следствия?

— Да, подтверждаю, я действительно допустил однажды по усопшему отслужить панихиду в своем доме. Кроме этого, я регулярно у себя на квартире проводил

вечерние и утренние службы, — ответил епископ.

— Ваши взгляды на обновленчество?

— По каноническим правилам обновленчество — это ересь, обновленчество зародилось давно, оно борется за новшества в жизни духовенства; безусловно, православная церковь с обновленчеством борется.

— Ваше личное влияние на обновленчество по Великолукской епархии?

— Личного видимого влияния на обновленчество мною не проявлялось, тем не менее за последнее время по Великолукской епархии прибавилось четыре церкви тихоновской ориентации за счет обновленчества.

— Следствие располагает данными, что вы как епископ с целью привлечения к церкви людей детского возраста практиковали в своей деятельности раздачу конфет, печенья детям, находясь в церкви и на улице. Вы эти данные подтверждаете?

— Да, признаю, что я... иногда раздавал детям конфеты, печенье, находясь в церкви и на улице. В основе при этом у меня была жалость к детям; как нищему каждый православный подает копейку, так и детям, я считаю, нужно оказывать внимание и заботу.

— Вы допускали в своей деятельности проповеди вне стен церкви?

— Да, признаю себя виновным, что я произносил проповедь религиозного со-

держания вне стен церкви.

Вызывались свидетели — из тех, кто готов был лжесвидетельствовать против епископа. «Троянский, посещая церковь, произносит проповеди контрреволюционного содержания; так в начале июля 1937 года Троянский, будучи в Вознесенской церкви, говорил: «Апостол Павел страдал за веру христианскую, и ему были не страшны ни пытки, ни казни, а мы изменяем вере, боясь репрессий». Троянский систематически ведет борьбу с обновленчеством, в результате тринадцать священников перешло в тихоновскую ориентацию. В мае месяце, будучи в гостях у гражданина Федорова Михаила, Троянский критиковал современные моды в СССР и говорил, что эти моды неизбежно приведут к вырождению юношества».

В справке, составленной по требованию НКВД, председатель Торопецкого горсовета написал, что епископ принимал активное участие в ходатайстве об открытии закрытых церковей города Торопца.

31 августа Тройка НКВД приговорила преосвященного Иоанна к расстрелу. Епископ Иоанн был расстрелян 4 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Епископ Великолукский и Невельский Сергей совершил постриг в великую схиму

14 августа в храме Успения Божией Матери (деревня Успенское Великолукского района) Преосвященнейший Сергей, епископ Великолукский и Невельский, после вечернего богослужения совершил монашеский постриг в великую схиму делопроизводителя Епархиального управления монахини Иулиании (Харун).

При постриге наречено имя Лаврентия, в честь блаженного Лаврентия Калужского, Христа ради юродивого.

По окончании чинопоследования монашеского по-

стрига правящий Архиерей обратился с назидательным словом к новопостриженной.

Великая схима — это высшая ступень православного монашества. Принятие великой схимы означает

полное отчуждение от мира и посвящение жизни Богу. Монахи еще раз дают обеты, но уже в более строгой форме, и принимают новое имя, получая при этом новых небесных покровителей.

Принявший великую схиму носит аналаву (особый вид парамана), куколь (остроконечную шапочку), пояс, хитон и сандалии. В руках у схимника — четки для непрестанной молитвы.

Никита Сюдюков: «Изыми Бога — и всё рушится, как бы ни пытались убедить в обратном атеисты»

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Никита Кириллович, хочу у вас спросить, как вы сейчас отвечаете на вопрос: кто вы?

Сюдюков: Я долгое время называл себя исследователем русской философии и творчества Достоевского. Потому что слово «исследователь» ни к чему не обязывает.

А недавно перечитывали со студентами «Пир» Платона, где он объясняет, почему философ не может быть мудрецом, а мудрец — философом. Как известно, философия — это любовь к мудрости.

Когда я люблю другого человека, я стремлюсь, по слову Писания, стать с ним единым целым. Вот так и философ стремится обрести мудрость. Но ровно в тот момент, когда он ее обретает, он перестает быть философом и становится мудрецом. То есть философом может быть любой человек, который стремится к мудрости и правде. Поэтому я теперь, не стесняясь, называю себя философом.

В конце концов, как говорил Митя Карамазов, какой же русский человек не философ.

При этом философ — человек, стремящийся к Богу, к соединению с Ним. То есть конечная цель для него, как и для всякого человека, — не мудрость, а Бог. А мудрость — лишь лесенка к Богу, инструмент, который помогает к Нему подняться. Возможно, на пути к мудрости с философом что-то происходит, и он понимает, что не совсем туда шел. И когда он обретает Бога, начинает Его созерцать, все его философские конструкции просто отваливаются. Но прежде нужно все-таки этот путь пройти, нужно к этому подготовиться. И для этого нужна мудрость.

— Некоторые считают, что Бог всё усложняет, а если Его изъять, всё, мол, становится простым, понятным и последовательным.

— Человек слаб, эгоистичен, он стремится прежде всего к собственному благополучию. И тот, кто больше старается, больше и получает. А Бог этой картине мира мешает. Но на мой взгляд, это очень поверхностная и приблизительная картина.

На самом деле в человеке есть тьма всего, и лучше всего эту тьму рассеивает Бог. Только с Ним человек становится яснее для самого себя. Изыми Бога — и всё рушится, как бы нас ни пытались убедить в обратном мысли-тели-атеисты.

Вспомним Рассела — это один из отцов-первопроходцев аналитической философии, которая стремится сделать всё геометрически ясным, сведенным к формуле, предельно рациональным, очищенным от всех человеческих мнений. Но вот начиная где-то с 1970—1980-х годов на Западе стала набирать обороты аналитическая теология. То есть вдруг обнаружилось, что аналитической философии самой себя недостаточно, ей нужна еще какая-то вводная, чтобы саму себя обосновывать. И лучше всего искать ее в хри-

стианстве. Был даже проведен опрос среди аналитических философов, чтобы выяснить, кто из них считает, что для стройности их системы необходим Абсолют. И большинство ответили, что без Абсолюта мысль вообще невозможна.

А значит, и Расселу нужен был Бог.

— Приятно, когда ты словно возвышаешься над всем. Но зачастую, мне кажется, философы этому высокому требованию не соответствуют.

— На философских конференциях больше половины времени философы сами себя прославляют: мол, мы — метанаука, у нас есть ответы на все вопросы, почему нас никто не слушает? Хотя, на мой взгляд, метанаука все-таки теология, и сегодня это особенно ясно. Но философия предуготовляет к теологии.

Однако плоха та истина, которая существует только в кабинете. Это какая-то, ну... недоистина. И философ, конечно, должен сообразовывать свою мысль со своей жизнью. Как отмечает Александр Александрович Ермичёв, наш петербургский корифей, вся история русской философии есть «одействование истины».

Вот и Петр Яковлевич Чаадаев — я очень его люблю — говорил: сознавать —

значит действовать. То есть маркер того, что ты что-то до конца осознал, — это действие.

Если вернуться к паре «философ — мудрец», мудрец — это неподвижный человек, тот, кто достиг полноты созерцания. Ему и делать уже ничего не надо — он созерцает Абсолют и на этом успокаивается. В античной философии утверждение, что покой лучше движения — общее место. Конечно, античный мудрец — он тоже искал баланс между действием и мыслью, но все-таки конечный итог для него — неподвижность, умиротворенность, покой. А конечный итог русской мысли... Ну, она себе вообще не ставит цели когда-то успокоиться. Мне кажется, русским мыслителям всегда хочется еще что-то сказать, у них всегда внутри огонь.

Поэтому вечные русские проклятые вопросы, на которые не найти ответа, постоянно будоражат нашу мысль.

Античная философия — языческая, это круг. А круг предполагает образ неподвижности, законченности, завершенности. И если ты своим умом объял этот круг, объял вечность — всё, можно уже больше ничего не делать, ты созидашь ее внутри себя. А русская философия — христианская, она

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере — фрагменты «парсуны» философа Никиты Сюдюкова.

устремлена к эсхатологическим перспективам, к Апокалипсису. Здесь успокоиться невозможно — что-то там еще-то будет? Еще поживем, еще посмотрим.

— Гегельянцы любят говорить, что мысль не всякому дана.

— Нам кажется, что мы мыслим, а на самом деле мы просто воспроизводим какие-то заложенные в нас паттерны мышления. И добраться до по-настоящему своей мысли бывает очень трудно. И страшно: вдруг окажется, что у тебя нет ничего своего, и всё, что ты говоришь, — это то, чего ты нахватался на разных этапах своей жизни, как с полок в супермаркете? Представляете, как трудно потом продраить сквозь это к своей собственной мысли, как это некогда сделал Декарт. Но здесь-то и начинается философия.

А следующий этап — это когда ты понимаешь, что молитва выше, чем мысль. Это как дорога, проторенная другим человеком, на которой ты внезапно обнаруживаешь, что чужими словами выражаешь себя лучше, чем своими собственными. То есть здесь такой обратный ход. Если вначале, на философском этапе, ты должен понять, что весь состоишь из чужих мнений, потом всё это отринуть и, по завету Сократа, найти самого себя, то парадоксальным образом, когда ты преодолеваешь философию и идешь к молитве, ты понимаешь, что ты действительно себе не хозяин и

действительно можешь говорить о себе чужими словами. И эти слова позволяют тебе найти подлинного себя, которого ты не мог найти ни наедине с самим собой, ни в окружении других людей.

— **Молитва для меня — это прежде всего смирение.**

— Я не должен доверять своим суесловиям и идти у них на поводу, я должен чаще подчиняться другому языку, другому образу мысли. Отец Мефодий Зинковский, рассказывая мне об Иисусовой молитве, говорил, что каждое слово в ней произносится как удар колокола. То есть произнес слово — и слушаешь, как оно в тебе отзывается, как оно в тебе резонирует, как ходят по тебе волны от этого слова. И вот эта экономия мышления, этот предельный минимум, сжатость твоей мысли, которая вдруг в тебе что-то такое поднимает, что и словом-то никак не выразить — ни философским, ни богословским, ни обычным литературным, — рождает внутри тебя молчание, с которым, наверное, нужно пожить, которое нужно подержать в себе, прежде чем суметь родить какое-то слово.

— **Беседуя со студентами, я вижу: стоит только упомянуть слово «Бог» — всё, сразу глухота.**

— Можно, конечно, пытаться прятаться за слова «Абсолют», «Первоначало». Но они какие-то слишком высокие, непонятно о чем. А «Бог» — не из лексикона университетской среды. Но я смотрю на это оптимистически, исходя из тезиса, что каждая душа по природе своей христианка. В конечном итоге все мы обнаруживаем: чего бы человек ни чаял, подлинное исполнение его желаний всегда во Христе. Но для этого надо очень долго считать с себя секулярную, позитивистскую, индивидуалистскую копоть, очень долго над этим работать. А сразу вбрасывать религиозные термины, религиозные понятия, к сожалению, не получается — слишком долго над ними работать, с века Просвещения.

Меня мои православные друзья ругают за то, что я со студентами сразу вот так, нараспашку не говорю, не начинаю проповедовать, а начинаю немножко под них подстраиваться: мол, прогибаешься ты, а надо им всё говорить честно и прямо, кому надо — услышит, а кому не надо — отсется. А я все-таки надеюсь, что, если долго, терпеливо с ними беседовать, в какой-то момент, когда поймешь, что их душа готова, с ними можно будет говорить о Боге. Но к сожалению, это очень долгая работа. А когда приходит человек в рясе, с крестом, какие бы высокие слова он ни говорил, как бы ни владел он риторическим инструментарием, каким бы глубоким интеллектуалом ни был, у людей стоит какой-то блок — не хотят слышать...

— **Нужно всегда себя как бы щелкать по носу, когда чувствуешь: вот здесь я на автопилоте, здесь ответил «как положено» или повторил то, что услышал от кого-то другого, здесь поступил так, потому что это не требовало от меня никаких усилий.**

— В конце концов, когда я на автомате достаю из кармана телефон, потому что есть полминуты на светофоре, я пропускаю возможность посмотреть на мир вокруг и увидеть в обычном сером скучном пейзаже что-то

замечательное, живое. Каждый раз надо ловить себя на этом и щипать, говоря: просыпайся, не отдавай себя и свою жизнь на откуп.

— **Андрея Тарковского часто сравнивают с Достоевским, говорят, что он — Достоевский от кино.**

А мне кажется, он прямо противоположен До-

стоевскому.

— Помните «Заставу Ильича» Марлена Хуциева? Он там играет. Его герой ко всем пристает, что-то говорит и максимально перетягивает на себя внимание. Мне кажется, он такой и в своем кино: выпранный, очень желающий казаться интеллектуалом, претворяющий кино почти в священнодействие.

Мне кажется, это как-то не по-русски, такое совершенное отсутствие самоиронии и самоумаления. Вот Достоевский, он, наоборот, постоянно себя бичует, постоянно в отношении самого себя как бы немножко юродствует. Он очень русский. А у Тарковского этого совсем нет, он чисто европейский режиссер. Такой... с придыханием на себя смотрящий.

Вся эта сакральная функция искусства, которое якобы выше всего, мне не близка. Мне кажется, искусство не должно так себя расценивать, оно играет более служебную роль. Это признак секулярности, когда искусство наделяется таким высоким достоинством.

Когда заходит речь о спасительной функции искусства, я всегда привожу аргумент Федора Михайловича. Он говорит: вот увидел молодой человек какую-нибудь Венеру Милосскую, запечатлелась она у него в памяти, но как она на него повлияла, мы сказать не можем. Он под этим впечатлением не пошел тут же спасать мир, и сам не спасся. Но лет через 20 он, возможно, станет каким-нибудь великим реформатором, сделает людям много хорошего, и кто знает, возможно, частичку этих его благих начинаний вложила в него именно Венера Милосская. Эту функцию искусства

мы отрицать не можем.

И все-таки жить только искусством и только на него возлагать сакральные надежды, мне кажется, неверно. Это такой, знаете, декаданс: важна только красота, а всё остальное — если оно не красиво, я его не воспринимаю. Поэтому градус пафоса в отношении искусства я бы чуть-чуть снизил.

Недавно поймал себя на мысли, что вообще как-то глуховат к искусству. Но есть отдельные имена и отдельные их работы, с которыми у меня почему-то случается диалог. Но в основном моя чрезмерная рациональность побуждает меня обращаться прежде всего к философии. Я долгое время думал, что я больше всего люблю литературу, а потом понял, что и в литературе прежде всего искал философию. Может, поэтому к Достоевскому и обратился — у него этот философический элемент сильнее всего.

— **Чудо — это не нарушение естественного хода вещей, а скорее прорыв нашего взгляда на мир.**

— Вдруг что-то начинает пробиваться сквозь нас, и мы вдруг видим мир как он есть. Вот это — чудо. А не то, что мир внезапно как бы немножко ломается, а потом восстанавливает свой прежний порядок. Нет, весь мир основан на чуде. И чудо обращения, внезапного прозрения — это именно про возвращение способности видеть этот вечно новый, вечно чудесный мир.

И если ты пережил это чудо, ты и дальше будешь видеть везде одно только чудо.

— **«Иконостас» отца Павла Флоренского всегда покорял меня тем, что указывал на соборную природу иконописи.**

— Она исходит не из индивидуального рассудка, как западная живопись, ограничивающая себя, не умеющая видеть нечто большее. Она практически повторяет внутри себя мироздание, когда мы видим эти прозрачные лики, где их материальная оболочка — это только ворота, открывающие нам что-то совершенно иное.

Никита Сяндюков: «Изыми Бога — и всё рухнет, как бы ни пытались убедить в обратном атеисты»

(Окончание на стр. 6)
(Окончание.)

Начало на стр. 4—5)

Иконопись — прекрасный пример сакральности искусства. Хотя она с точки зрения классического искусства не совсем искусство — не дотягивает до тех высоких образцов, которые задает западная живопись. Но иконопись больше искусства и может на них не оглядываться. Более того, она может их преодолеть, даруя нам опыт, который глубже эстетического, для которого у нас даже слов-то толком нет.

У меня есть такая иконка, которая с детства всегда со мной, — небольшой деревянный складень. Я, конечно, не могу воспроизвести образ своего мышления, когда мне было года три-четыре, но я всегда хотел не расставаться с ней, требовал у мамы, чтобы она клала эту иконку со мной рядом. Рационально осмыслить я ничего тогда не мог, я ничего не мог в ней увидеть. И никакой «Иконостас» Флоренского на меня в то время повлиять не мог. Но почему-то она была мне дорога, что-то меня в ней цепляло, хотя совершенно никакого понятия о христианстве я не имел и в церковь меня никогда не водили. И, может быть, именно этот неосознанный, логически никак не отрефлексируемый, первый мистический опыт из глубины моего детства до сих пор мне позволяет двигаться дальше.

— Если мы ограничим чужую истину, не логически доказывая, что она неверна, а просто силовым методом или с помощью авторитета, значит, мы боимся этого чужого высказывания.

— Я думаю, есть какой-то маяк, который мы все видим. Может быть, на протяжении нашей жизни нас от него что-то отвлекает, уводит не в ту сторону, но внутри нас все-таки это чувство истины есть. И если мы с чьей-то помощью его вскрыем, очистим от копоти, которая

затемняет этот свет внутри нас, мы эту истину увидим. А то человек очень часто себя обманывает в отношении истины. Он очень хочет ее забыть. Потому что, если истина есть, тебе уже не пойти ни влево, ни вправо и можно двигаться только по одному пути. Поэтому бремя истины тяжело. Но чистилище истины внутри нас есть, мы, по благодати Божией, имеем его с самого своего рождения, с первого своего соприкосновения с миром.

— Когда я прочел у Достоевского слова «каждый прежде всех за всех виноват», ощутил, что это будто всегда во мне было, просто я слов не находил.

— А здесь устами старца Зосимы вдруг всё мое внутреннее чувство — нравственное, духовное, даже эстетическое и метафизическое — себя обнаружило и вылилось в этой фразе. Это так просто и так невероятно точно описывает задачу человека на земле, его духовный путь.

Христос же возложил на Себя вину за весь мир, правда, с тем отличием, что Он-то виновен не был. Вот и человек всегда должен прежде всего искать свою вину за то, что происходит вокруг, — от самого ближнего круга до самого дальнего. Но человек-то действительно виноват, на нем действительно лежит грех.

Правда, тут есть какое-то самообольщение, вот, мол, признался: каждый прежде всех за всех виноват — и дальше можно не действовать. Дальше можно не утруждать себя рефлексией. А меня еще бабушка учила: прежде всего ищи виноватого в себе. Какая бы ситуация ни была. Ищи, чего

ты недоделал, недосказал, недосмотрел.

— Из персонажей «Братьев Карамазовых» мне больше всех противен Иван Карамазов.

— Он хочет всё подмять под свою мысль. И совсем не хочет видеть мир за пределами своего индивидуального рассудка. Соборное мышление ему совсем недоступно. Его позиция: я во всем сомневаюсь; пока я своей мыслью не объеблю — не приму. Это невероятно тошнотворно. И еще, знаете, — слезинка ребенка. Мне кажется, это очень спекулятивный аргумент. Он используется только для подтверждения той конструкции, что мир лежит во зле и ничто его не спасет, никакие интеллектуальные теории. Ивану Карамазову на самом деле этот ребенок, по большому счету, безразличен. Он просто использует его как удобную иллюстрацию. И здесь его интеллектуальное бесовство так и вылезает наружу. Он что угодно готов использовать, лишь бы доказать, что за ним правда.

Смердяков, конечно, не симпатичнее, но я очень ему сострадаю. Никто вовремя не обратил на него внимания, никто не помог. Даже Алеша его как будто не замечал, просто не было для него этого персонажа. А он, в конце концов, тоже человек. Помните, он перед смертью Исаака Сирина читает. Исследователи говорят, что это потому, что Исаак Сирин где-то писал, что он молится за бесов. И возникает ощущение, что Смердяков эту книжку открывал и думал: может, и за меня кто-то помолится. Но не нашлось таких. А Смердяков — это

лакмусовая бумажка для всех Карамазовых.

— Я думал, что достаточно легко прощаю, а потом поймал себя на мысли, что это самообольщение. Лишение себя труда простить.

— И начал вспоминать. Оказалось, есть много вещей, за которые я держу обиду на самых близких людей. И вроде как я им это никогда не предъявляю, вроде общаемся мы, и ничего такого между нами не сквозит. А все-таки какой-то бесенок иногда вылезает. И как до конца простить? Как убедиться, что ты абсолютно чист по отношению к этому человеку, что никакой червоточины внутри тебя нет? Я совершенно не представляю. Поэтому мне кажется, прощение — это упражнение, которое ты должен постоянно повторять. А то, может, что-то еще в тебе затаилось, может, что-то тебя еще гложет, и ты постоянно из-за этого будешь падать.

Трудно держаться всегда в свете истины, в конце концов она опалает. Но это не означает, что не нужно вновь подниматься. Вдруг опять эта обида в тебе всколыхнется — опять бей ее бичом прощения, опять изгоняй ее внутренним смирением. И не унывай, когда понимаешь, что не удалось изгнать до конца. Наверное, только по воскресению у нас получится быть абсолютно прозрачными и чистыми.

Помните, Иван Карамазов говорит, что мать не имеет морального права простить убийцу своего сына. Ни морального, ни духовного, ни логического. Ну, прежде всего, логического — для Ивана. Но христианство в том-то и радикально, что и убийцу собственного сына ты должен простить. И обнять. Это как параллельные прямые. У Ивана они пересекаются не могут. А в неевклидовой геометрии — могут. Так и христианское мировоззрение по отношению к классической этике, где прощать нельзя: оно ее нарушает и утверждает, что руки матери должны скреститься на спине убийцы ее ребенка. ф.

Праздник Преображения Господня

20 августа в дошкольном учебном заведении № 9 города Великие Луки состоялись праздничные мероприятия, посвященные празднованию Преображения Господня (по-народному — Яблочный Спас).

Надо отметить, что это не единственное мероприятие в дошкольном учреждении, на которое приглашают православное духовенство. Коллективом педагогов и активом родительского комитета была организована насыщенная культурная программа. В завершении мероприятия родители и педагоги с большим интересом провели встречу с представителем духовенства епархии — настоятелем собора святителя Тихона иереем Павлом Котковым.

В ходе встречи возникла интересная дискуссия на тему глобальных вызовов эпохи и перемен в обществе. При обсуждении ее с собравшимися, было отмечено, что перемены затрагивают все общество, включая семью. Вниманию собравшихся был представлен доклад иерея Павла Коткова, где он говорил о том, что Русская Православная Церковь находится на страже традиционных ценностей, являясь ретранслятором в мир универсальных вековых традиций Православной веры.

«Кроме исключительно Евангельской истины: «Не ищите того, что в мире», Православная Церковь ориентирует общественность на поддержание того, что сложилось в веках, как главный фактор самоидентификации — то с чем мы себя олицетворяем, — это русская культура и традиционные для нашего народа ценности. К

ним относятся: жизнь и достоинство; права и свободы человека; патриотизм и гражданская позиция; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы и крепкая семья; созидательный труд на благо общества, а также приоритет духовного над материальным; милосердие и справедливость, добро, любовь, сочувствие, самопожертвование, уважение и вера в Бога!» — сказал Павел Котков.

Он отметил, что в современном обществе происходит деформация и частичная утрата традиционных и семейных ценностей. Это не стихийное явление, а результат того, что вызовы эпохи и перемены, связанные с ними, изменяют вековые устои общества.

«Мы перестали нужны быть друг другу для выживания, — продолжил Павел Котков, — и это кардинальный момент, который меняет вообще всю систему, смысл и мотивацию того, зачем нам быть вместе в браке. На это место пришла другая идея, гедонистическая установка — мы вместе до тех пор, пока нам вместе хорошо, пока мы получаем удовольствие. Как следствие одной из наиболее острых социальных проблем, стало увеличение числа неофициальных (гражданских) браков, широкое распространение внебрачных отношений, а значит, и абор-

тов. Все это обуславливает падение рождаемости, увеличение количества неполных семей, неудовлетворенность межличностными отношениями, рост числа одиноких мужчин и женщин.

В результате трансформации института семьи, утраты четких мировоззренческих ориентиров, возникает кризис, и более всего это проявляется в сознании подростков и юношества, тех, кого называем «подрастающее поколение». Юноши и девушки поставлены в условия самостоятельного выбора семейных ценностей и их понимания. Необходимо развитие института семьи, создание благоприятных социально-культурных условий для укрепления авторитета семьи в молодежной среде».

В заключение разговора иерей отметил, что семья всегда являлась основой общества в историческом прошлом нашей страны и советского ее периода. Семья, концентрируя в себе весь спектр человеческих отношений, тем самым направляла и регулировала духовно-нравственное и физическое развитие ребенка как будущего члена общества. В православии высокое положение семьи основывается на словах апостола Павла: «Семья есть малая Церковь» (домашняя Церковь). Другими словами, в семье заложены все или основные черты церковной жизни. Но нельзя говорить о христианской семье и воспитании детей в духе традиционных ценностей, если внутри семейных отношений не осуществляется жизнь «малой церкви». Ро-

дители призваны стать в первую очередь «свидетелями», то есть примерами христианской жизни и веры.

Павел Котков подвел итог своего доклада такими словами: «Добро, любовь, сочувствие, самопожертвование, уважение, вера в Бога — все это значимое, без чего человек не может жить. Следование этим ценностям приводит человека в гармоничное отношение с окружающими и придает смысл его жизни. Это самое прекрасное, что есть у человека. Те, кто лишен их, оказываются, в конце концов, или на скамье подсудимых, или изгоями общества».

В свете сказанного возникает вопрос, а с чего начинать воцерковление семьи? Начинать надо с необходимого. Понимание значений церковных праздников и событий, обсуждение в семье того, что такое церковный праздник, его смысл, а также соблюдение в семье традиций, связанных с церковными торжествами. Формирование семейного календаря (день крещения ребенка, день ангела, святых небесных покровителей нашей семьи). Посещение богослужения в воскресные и праздничные дни и участие в таинствах Церкви. Это поможет семье быть ответственным просветителем и ретрансляции в мир универсальных ценностей и опыта вековых традиций православной духовности.

В завершение встречи все участники выразили готовность к дальнейшему диалогу в сфере укрепления семейных традиций и преемственности поколений.

В погосте Клин возрождается центр паломничества

В нескольких километрах от Куньи находится деревня Клин. Несмотря на относительную удаленность от города Великие Луки, это место тем не менее знакомо очень многим великолукчанам.

Многие жители нашего города бывали здесь, а еще больше великолукчан знают, что деревня Клин — родина Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Сегодня стараниями великолукской епархии, областной и городской властей это знаковое место возрождается, постепенно превращаясь в центр паломничества.

В деревне Клин Куньинского района в настоящее время находится храм Воскресения Христова XVIII века. Святитель Тихон, будущий Патриарх Московский и всея Руси родился в деревне Клин зимой 1865 года. Будущий Патриарх был крещен в этой церкви и помогал отцу по церковной службе.

Сегодня храм Воскресения Христова относится к

структуре Свято-Успенского Святогорского монастыря и является объектом культурного наследия регионального значения. В честь 100-летия блаженной кончины святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, здесь возрождается центр паломничества. Активную роль в этом играет епископ Великолукский и Невельский Сергей.

— Сегодня предпринимаются все усилия для того, чтобы возродить храм и сделать его почитаемым местом. Стараемся сделать его туристическим объектом, включить его в туристические маршруты, чтобы и паломники приезжали, и туристы, чтобы они могли ознако-

миться и вживую увидеть эти места, где родился великий человек, — рассказывает епископ Великолукский и Невельский Сергей.

К сожалению, за прошедшие два с лишним века отцовский дом святителя Тихона не сохранился. Остался только фундамент, а вот храм удалось спасти и обустроить. Сейчас идет работа над алтарем, его создают по старинным фотографиям, найденным в архивах.

В настоящее время в Клину образовалась и монашеская община. Ведутся работы по устройению быта на сельников. Идет процесс создания инфраструктуры подворья, начато обустройство дома-музея, где постепенно появляются экспонаты, связанные с тем временным периодом, когда служил Патриарх Тихон.

Также оборудуются сти-

лизованные надворные постройки. Идет закладка под братский корпус с комнатами для паломников и с трапезной. В планах — обустройство купели и работы по озеленению прилегающей территории.

Память о Патриархе Тихоне очень важна не только для Куньинского района и Великолукской епархии, но и для всей России и всего народа русского. Поэтому у проекта возрождения родины Тихона нашлось много соратников.

Добавим, что в 2025 году, в год 100-летия блаженной кончины святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, Клин станет начальной точкой крестного хода по маршруту: погост Клин — Торопец — Псков — Санкт-Петербург — Ярославль — Москва. Это еще раз доказывает, что, как человек и как личность, Патриарх Тихон имеет огромное историческое значение.

Сохраним тайну

Владимир
Легойда

Вера — это добродетель воли. Люблю эту формулу и часто вспоминаю ее в разговорах о мировидении верующего человека. Хотя, конечно, если мы говорим, что к вере нужна воля, то это можно понять и так, что нужно заставлять себя верить. Но ведь заставить себя поверить можно во что угодно. И тут скептик скажет: «Ну, ты же хотел, поэтому и заставил себя в это верить, убедил себя в этом усилием воли».

Но когда я говорю о добродетели воли, я имею в виду волю действия, а не то, что ты усилием воли внушаешь себе: «Я верю, я верю». Нет, мы с вами прекрасно понимаем, что христианство начинается не с волевого «я могу», а с

отказа от своей воли, со слов: «Господи, я ничего не могу без Тебя». Или, как сказал в «Исповеди» блаженный Августин, «дай, что повелишь, и повели, что хочешь».

Я думаю, в этом — тайна веры, тайна любви, тайна христианства. Это действительно дар, то есть то, что дается тебе даром. И все-таки... Знаете, есть такое традиционное объяснение, что Бог спасает нас не без нас. То есть тебе дается дар, но ты должен его принять, а это уже требует расположения, готовности, усилий.

А противоречие, если оно и есть, — это часть тайны. И самое неправильное для понимания того, что такое религия вообще и христианство в частности, — пытаться эту тайну раскрыть, как разворачивают оберточную бумагу в надежде увидеть, что там внутри.

В отличие от тайн научных, здесь речь идет не о раскрытии, не о превращении непонятого в понятное — верующий не препарирует тайну, он к ней приобщается. Тут соединение твоих уси-

лий и того, что тебе дается, — иногда как результат этих усилий, а иногда, когда у тебя вроде и сил уже не осталось, вдруг — хоп! — и ты все получил. Бог действует на людей не как закон Ньютона. Как сказал Клайв Стейплз Льюис, «каждый человек связан с Богом по-своему. Он для Бога иной, чем все, создан по особой мерке».

Бог отвечает каждому иначе, у Него с каждым тайна — тайна нового имени». ф.

